

The book cover features a close-up of an ancient Egyptian stone statue head on the right side. The statue has a serene expression and is wearing a headdress with a central circular ornament. A decorative Greek key border runs diagonally across the top left corner. The background is a gradient of warm colors, from a dark purple at the top to a bright yellow at the bottom, with a subtle starry pattern in the upper left. The authors' names are printed in gold at the top, and the title is in large, bold, gold letters in the center. The volume number is at the bottom left.

Хорхе Анхель ЛИВРАГА
Делия Стейнберг ГУСМАН

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Том 3

Библиотека «Нового Акрополя»

Хорхе Ливрага

Сокровенный смысл жизни. Том 3

«ИП Карелин»

2013

Ливрага Х. А.

Сокровенный смысл жизни. Том 3 / Х. А. Ливрага — «ИП Карелин», 2013 — (Библиотека «Нового Акрополя»)

ISBN 978-5-91896-038-7

В сборник вошли статьи и лекции, посвященные Философии в ее истинном значении – как любви к Мудрости. В них затрагиваются вопросы о прошлом и о будущем человечества, об истории великих цивилизаций, о законах Вселенной, о жизни и смерти и тайнах внутреннего мира человека. Такой подход дает авторам возможность выйти за пределы традиционно относимых к философии тем и вместе с читателем поразмышлять о человеке и его месте в мире.

ISBN 978-5-91896-038-7

© Ливрага Х. А., 2013

© ИП Карелин, 2013

Содержание

Об авторах	5
Идеалы тела и идеалы души	6
Х. А. Ливрага. Идеалы тела и идеалы души	7
Х. А. Ливрага. Материализм и идеализм	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хорхе Анхель Ливрага, Делия Стейнберг Гусман Сокровенный смысл жизни. Сборник: Т. 3

Об авторах

ХОРХЕ АНХЕЛЬ ЛИВРАГА (1930–1991), доктор философии Ацтекской академии искусства, науки и литературы, академик Международной Буркхардтовской академии Швейцарии, академический член Филовизантийского университета, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы, – основатель и первый президент Международной классической философской школы «Новый Акрополь», отделения которой в настоящее время работают более чем в пятидесяти странах.

Он автор множества работ в области философии культуры, среди которых «Лотос» (поэтические произведения), «Анкор-ученик» (роман), «Письма к Делии и Фернану» (философия), «Алхимик (Что кроется за образом Джордано Бруно)», «Элементалы, духи Природы», «Театр Мистерий Древней Греции» и др. Все его труды переведены на многие языки. Значительную часть его наследия составляют статьи и публичные выступления в самых разных городах мира.

ДЕЛИЯ СТЕЙНБЕРГ ГУСМАН – философ, писатель, музыкант, лауреат многих музыкальных конкурсов, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы. Автор многих статей и книг, среди которых «Игры Майи», «Сегодня я увидела...», «Основы акропольского Идеала», «Мне сказали, что...», «Герой повседневности» и др. Ведет активную деятельность по организации международных музыкальных и литературных конкурсов.

После смерти Х. А. Ливраги Д. С. Гусман возглавила Международную классическую философскую школу «Новый Акрополь», продолжая культурно-просветительскую деятельность и читая в разных странах мира лекции по философии, философии истории, символизму древних культур, истории искусства, психологии, метафизической эстетике и т. д.

Х. А. Ливрага

Идеалы тела и идеалы души

Х. А. Ливрага. Идеалы тела и идеалы души

Лекция

Давайте попробуем на несколько минут забыть об окружающем нас мире – мире проектов, мире мнений, мире рекламы, который заставляет нас соответствовать заранее заданным представлениям и образцам. Я просто приглашаю вас стать философами и спросить у самих себя, спросить у Природы, что такое идеалы тела и что такое идеалы души.

В последнее время многие слова выхолащиваются, теряют смысл и точность. Сегодня порой приходится объяснять значение слов, хотя гораздо важнее чувствовать и проживать их.

Мы живем в мире, где все объясняют всё, где каждый человек пытается предложить нам решения, но при этом не задает вопросов. У каждого из нас, живущего здесь и сейчас, есть глубокая внутренняя потребность задавать главные вопросы. Кто я? Откуда пришел? Куда я иду? Что представляет собой окружающая нас Вселенная? Что побудило меня сегодня говорить с вами? И что заставило вас сегодня в некоторой степени пожертвовать собственным комфортом и прийти сюда, чтобы слушать меня?

С одной стороны, идеалы нашей души и идеалы тела противоположны, но с другой – они гармонично сочетаются. Нашему телу нужен определенный комфорт – например, чтобы было удобно говорить и слушать; но в то же время нам требуется определенный духовный дискомфорт, внутренняя неудовлетворенность – чтобы искать новое, чтобы искать решения в окружающем нас мире. Ведь мы полны вопросов, мы полны загадок, а вся Вселенная представляется нам бесконечной тайной.

Испокон веков люди пытались каким-то образом объяснить существование души и тела. В разные эпохи отношение к этим двум полюсам менялось, подобно колебанию маятника, и на первый план поочередно выходили то ценности мира души, то ценности физического тела. А как мы знаем, в самой глубокой древности люди всегда стремились не только к материальному благополучию, но и к духовному совершенству.

В древних философских школах Индии (например, Вайшешике, основанной Канадой, или школе йоги Патанджали); в далекие времена Шумерского царства, где в образах героев эпоса о Гильгамеше и его друге Энкиду воплотилась мечта о создании на земле лучшего мира; в далекой Америке, где рассказывают о пернатом человеке по имени Кецалькоатль, который спустился в подземное царство, чтобы отыскать главные истины и принести их людям, – везде и во все времена люди пытались понять, что относится к телу, а что к душе. Понять, является ли Вселенная просто механизмом или есть нечто, придающее смысл нашему существованию.

И вот теперь, по прошествии тысячелетий, давайте в глубине своего сердца снова спросим себя: действительно ли существуют душа и тело? В одни периоды истории человечество сомневалось в существовании тела, в другие подвергало сомнению существование души. Конечно, невозможно в одной лекции дать представление обо всех идеях, положениях, выводах, вопросах, загадках, которые волновали человека тысячелетиями. Но мы можем обратиться, например, к философским течениям Востока, которые отрицали существование тела. Сегодня нам не понятно, как можно отрицать существование тела. Однако в Индии, согласно учениям о Майе, Иллюзии, считалось, что тела на самом деле нет, поскольку оно недолговечно.

Вырезанное из камня изображение ацтекского божества Кецалькоатля. 1450–1500

Разве все окружающее, в том числе само наше тело, разные предметы, например статуя, существовали всегда? Нет. Они будут существовать бесконечно? Нет, они погибнут или сломаются, сколь бы тщательно мы за ними ни ухаживали. В данном случае мы говорим об условном существовании, которое не длится вечно и подвластно времени.

Стены этого зала и в самом деле материальны, физически осязаемы... но только для моей физической, материальной руки. С основания мира известно, что есть особые силы – древние говорили о «духовных флюидах», энергетических элементах космоса, сегодня мы говорим об электромагнитных волнах Герца или о катодных лучах – силы, способные проникать сквозь твердые предметы; и для них всё является не таким, каким для нас. Так, в мире, созданном из масла, удар, нанесенный предметом, также сделанным из масла, показался бы чем-то плот-

ным, твердым. Точно так же и все, что нас окружает в нашем мире, обладающем материальной структурой, покажется нам плотным, твердым, если мы будем считать себя исключительно материальными существами. Но если бы мы могли хоть на минуту остаться одни в тишине, мы услышали бы поскрипывание мебели в комнате, шуршание обоев и старых картин... Все проходит, все старится, разрушается, превращается в пыль. И из той же самой пыли созданы все предметы.

Тогда где предел реальности существования? Античные философы спрашивали: до какой степени существует тело? А еще до греков философы Индии создали теорию Майи, или Иллюзии, и эта теория гласит, что бессмысленно привязываться к материальным вещам. Платон, справедливо названный божественным, говорил, что существование человека, очень привязанного внутренне к деревянному стулу, продлится ровно столько же, сколько существует этот стул. Иначе говоря, человек, который привязан к чему-то преходящему, чувствует, что он уходит, ускользает вслед за этим преходящим.

Представители других течений не говорят о том, что материи не существует, напротив, они полагают, что не существует ни души, ни духа. Это современные течения материалистического толка, которые утверждают, что единственная реальность – это материя, что душа, да и все духовное, придумана людьми. Иными словами, человек, охваченный экзистенциальной тоской, зная, что он смертен, что он должен жить в страданиях, бороться с себе подобными и с окружающим миром за выживание, в утешение себе создал идею души, в том числе и идею рая в ином мире, идею перевоплощения, то есть возможности жить снова, уже в лучших условиях.

Обе эти позиции кажутся противоположными. Одни относятся с пренебрежением к материи, считая, что в действительности ее не существует, что она буквально рассыпается у нас в руках, а единственное, что существует, – это Дух, это Бог, это душа. Другие утверждают, что существует только материя, а дух для них – это запретная тема, которую они боятся затрагивать глубоко, опасаясь, что их теория рухнет, или же всего лишь средство для эксплуатации народа церковниками, или попытка избежать страха перед исчезновением. Но было бы неплохо задуматься: а может быть, существует еще одна точка зрения? Ведь мы, философы, как и предполагает само это слово, стремимся найти Истину, где бы она ни находилась.

Как обычно представляют себе философа? Это человек, постоянно изыскивающий сложные термины, начитанный, способный часами рассуждать о Платоне, Аристотеле, Канте, Шопенгауэре, Ницше и так далее. Он немного не от мира сего, витает в облаках, всегда ходит с книгами под мышкой, его образ жизни весьма странен и далек от всего человеческого... Но это ложное представление о философе, это образ философа, охваченного экзистенциальной тоской.

Истинный философ, ощущающий в душе тягу к Философии, – это деятельный человек, искатель, который не ограничивается внешними представлениями и искренне готов пожертвовать ими ради внутреннего поиска; он уважает всё, что когда-либо было высказано или найдено другими людьми. Но он также открыт Природе и окружающему миру и благодаря этому искренне стремится сам найти Истину.

Мы во многом утратили искренность и чистоту, столь важные для понимания этой темы. Чтобы научиться слышать Природу и понимать ее язык, намного важнее вновь вернуться к естественному, исконному состоянию нашего бытия, нежели читать множество книг или слушать лекции. Все знают, что осенью опадают листья. Они падали прошлой осенью и будут падать следующей. Но каждый лист, сорванный ветром с веточки дерева и упавший на улицу нашего города, – неповторимое, уникальное явление. Это явление красиво и непостижимо, и тот, кто станет его свидетелем, сможет единственный раз в жизни воспринять это чудо во всех его оттенках.

Нам следует научиться различать то, что важно, значимо, и то, что, может быть, на первый взгляд кажется незначительным, но в то же время почему-то трогает нас. Сейчас, в эту

минуту, мы вместе размышляем об идеалах души и об идеалах тела. Возможно, вы раньше уже слушали другие мои лекции или читали мои статьи и, возможно, потом будете слушать мои выступления на другие темы. Но сегодняшний день – единственный и неповторимый, это мгновение уникально.

И даже если мы не придаем значения этому событию, оно в некотором роде очень важно: только сегодня мы можем получить именно такой и никакой другой опыт. Хотим мы того или нет, но когда сегодняшний вечер закончится и мы расстанемся, мы будем уже не такими, как сейчас, – станем ли мы лучше или хуже, я не знаю, но мы изменимся, ведь в любом случае мы унесем с собой что-то, чего до сих пор не имели: вы – мои слова, а я – ваши лица.

А сейчас давайте вернемся к основной теме нашего обсуждения, но поговорим о ней гораздо проще и искреннее. Ведь настоящего философа – и я настаиваю на этом – отличает отнюдь не хорошо подвешенный язык, а умение открыто и искренне общаться, именно оно позволяет каждому из нас раскрыть в себе философа, ибо все мы в той или иной степени им являемся.

Материализм, и прежде всего материализм посткартезианской эпохи, разделил науку, религию, политику и искусство. Человечество создало настоящие «племена» со своими «тотемами» и «табу»: писатели объединяются только с писателями, военные – с военными, а музыканты – с музыкантами. И сегодня очень мало мужчин и женщин живет гуманистическими идеями, пытается охватить различные области знания.

Поэтому в современном мире произошел настоящий взрыв разобщенности между людьми. Еще до того, как мы расщепили атом, такой же процесс произошел с нами. Мы «расщепили» человечество. Сегодня люди далеки друг от друга. В наши дни звучит музыка, которая не несет абсолютно ничего. Чему она посвящена? Что означает? Это знает лишь сам композитор да немногие из тех, кто его окружает. Писатель употребляет сложнейшие слова, создавая совершенно неестественные литературные феномены, – вероятно, он объяснит их смысл своим друзьям или коллегам за чашкой кофе, но мы, читая его статью, ломаем голову, пытаюсь понять, что же все это значит. И то же самое происходит в политике: политические деятели говорят о том, чего мы не понимаем, и дают обещания, которые не выполняют. В результате всего этого в наши сердца постепенно закрадывается холод и мы чувствуем себя все более одинокими.

Ведь если я вижу картину или слушаю музыку, но не понимаю их смысла; если политик говорит мне об административных вопросах, а не о Политике, то есть искусстве вести народы; если я прихожу к священнику, а он рассказывает мне не о бессмертии души, а об экономических проблемах, – конечно, я начинаю чувствовать себя одиноким, изолированным, отделенным от других людей. И в итоге мы предпочитаем в одиночестве смотреть телевизор, читать газеты или журналы, погружившись в свои мысли и проблемы. И даже если общаемся друг с другом, наш разговор, скорее, напоминает монолог, а не диалог.

Именно поэтому лично я уже почти разуверился в возможности диалога сегодня – диалога даже в самых простых ситуациях. Когда встречаются два друга, один говорит: «Привет! Как живешь? Знаешь, мне только что вырвали зуб – больно было ужасно!» А другой отвечает: «Да, помню, год назад мне тоже вырвали зуб...» – и далее о своих трудностях. Или такой разговор: «Знаешь, я так здорово провел отпуск! Я был в Греции на Кикладах...» – «Ух ты! А вот я четыре года назад был в Мексике, посетил Теотиуакан...»

Каждый привык говорить только о своем опыте, только о самом себе, не проявляя человеческого участия к другим. В этом бесконечном монологе нет диалога, нам неинтересны люди, с которыми нас сталкивает жизнь, а мы, в свою очередь, неинтересны им. Даже когда мы собираемся вместе, настоящей встречи не происходит. Наши предки жили не в такой спешке, они не знали всех наших условностей, и у них было больше общего со своими соседями, они умели заботиться о тех, с кем их что-то связывало; им хватало времени, чтобы собираться в светских салонах или у семейного очага. И хотя у нас столько средств коммуникации, мы используем

их лишь для того, чтобы полюбопытствовать, что же происходит в мире, не принимая все это близко к сердцу. За ужином мы слушаем или читаем новости: «Во время происшествия неизвестный мужчина героически спас ребенка» или «На такой-то войне погибла тысяча человек». Но слушаем мы все это из чистого любопытства, как будто у нас иммунитет против переживаний других людей и страданий Природы. Мы подходим ко всему исключительно практично, утилитарно.

Вы можете возразить мне, что утилитаризм, практичность свойственны всей Природе: все живые существа стремятся быть кому-то полезными, все живое постоянно движется – и даже то, что мы живым не считаем. Так почему бы нам не поговорить о чем-то более простом, о том, что мы не всегда замечаем? Сколько раз мы видели, как муравьи один за другим что-то тащат. Сколько раз мы видели, как пчелы собирают мед или как весной на деревьях распускаются почки. Все постоянно что-то делают, всё находится в движении. Но куда всё движется и ради чего?

Давайте зададим себе важнейшие вопросы: почему прорастают семена? почему звезды перемещаются по небу? почему движутся микробы? почему дует ветер? почему медленно падают листья? кто она, Природа, давшая семенам некоторых деревьев крылья, похожие на лопасти вертолета, благодаря которым семена улетают далеко от дерева-родителя? кто она, Природа, расположившая дыхательные поры листьев внизу, чтобы пыль не затрудняла им жизнь? наконец, кто она, Природа, наделившая цветы ароматом и разными оттенками, чтобы к ним прилетали пчелы и опыляли их?

Материализм пытался объяснить эти явления реакцией на окружающую среду, но современные исследования показали, что все не так просто. Например, Пикар, сконструировавший батискаф, и другие ученые, погружавшиеся в океанские глубины на тысячи метров, обнаружили новые виды фосфоресцирующих рыб, рыб со светящимися органами над глазами. Это свечение позволяет им видеть в полной темноте, добывать пищу и привлекать особей противоположного пола. Некоторые бабочки, сев на ветку, расправляют крылья с узором, похожим на глаза совы, который отпугивает птиц. Бабочка, крошечное существо, насекомое из отряда чешуекрылых, не имеющее ни сложной нервной системы, ни головного мозга, – как она могла придумать, что птиц можно отпугивать, нарисовав на своих крыльях глаза совы? Можем ли мы согласиться с тем, что живущие во мраке примитивные рыбы, лишённые, в нашем понимании, малейших проявлений разума, смогли самостоятельно изобрести светящиеся элементы, для того чтобы плавать в безопасности и привлекать других рыб? Можем ли мы допустить даже мысль о том, что маленькие семена, не имеющие вообще ничего и представляющие собой лишь растительные волокна, додумались создать себе крылья, чтобы, вращаясь, перелетать на большие расстояния? Нет. С точки зрения здравого смысла, конечно нет. Могли ли семена сами изобрести крылья, по аналогии с которыми сейчас строятся вертолеты? Или, может быть, растения, лишённые нервной системы, сами расположили свои дыхательные поры с внутренней стороны листа или сами изобрели фотосинтез?

Очевидно, что за всем этим, за всем, что мы называем «идеалами тела»: способностью охотиться, питаться, выживать, плавать, летать, ходить, – существует нечто более высокое, существуют идеалы чего-то, что превосходит это тело. Именно эти идеалы мы называем идеалами души. Слово «душа», греческое по происхождению, означает и символизирует оживление, одушевление, то есть нечто дающее жизнь. Действительно, это слово – точнейшее определение того, что одушевляет, дает жизнь, того, что придает всему смысл. Вспомните деревья, уходящие корнями глубоко в землю и благодаря этому противостоящие ветрам, – они не составляют архитектурного проекта для своих корней. Существует Нечто, спроектировавшее крылья бабочек, Нечто, позволяющее выживать и размножаться микробам, крошечным формам жизни. Это Нечто обучило маленькие клеточки делению, и не мы изобрели этот процесс, мы просто обнаружили его в природе. Нечто научило жирные кислоты определенным образом

вести себя внутри организма, а нервные пути – образовать сеть, связывающую мозг с телом. И потому это Нечто, спроектировавшее все вещи, Нечто, придавшее сферическую форму мирам, потому что она дает оптимальное соотношение между объемом и площадью, это Нечто мы назовем Душой, назовем Духом. Душа и Дух должны находиться и в нас самих, ведь мы тоже являемся частью Природы.

Итак, идеалы тела – идеалы прежде всего технические. Крылья птиц тщательно продуманы и созданы весьма искусно и изящно; об окрасе крыльев бабочки я уже говорил; насекомые в зависимости от окружающей среды становятся желтыми или зелеными и так маскируются, защищаясь от врагов... Все это рассказывает нам об идеалах тела. Но для чего все это? Несомненно, для чего-то большего, нежели тело.

Очевидно, что Природа – великий эконом; экономику не человек изобрел. Не обязательно помнить законы Лавуазье, чтобы понять, что в Природе ничто не исчезает, все преобразуется, и существуют естественные, глубоко продуманные циклы. Представьте себе грандиозный всеобъемлющий план, которому в целом следует вся материя. Возможно, нам будет легче увидеть его, если мы вспомним осенние листья – они опадают, перестают быть листьями, чтобы перейти в новое состояние, превратиться в удобрение, которое усвоит почва и, став плодородной, будет ждать следующего цикла, следующей весны. Все эти циклы продумал Вселенский Разум, который управляет всем и всеми. И поскольку мы являемся частью Вселенной, которую задумал и которой управляет этот Вселенский Разум, его влияние должно распространяться и на нашу жизнь. Наше тело двигается, сохраняет определенную температуру и форму, потому что в нем есть нечто, что побуждает его к этому. Слово в подтверждение этого, когда мы умираем, наше тело распадается на первоначальные составляющие, из которых оно возникло, разлагается, теряет свою форму – другими словами, теряет то, что обеспечивало его существование, придавало ему смысл.

Тогда что же такое идеал тела? Это возможность служить проявлением чего-то превосходящего само это тело. Было бы крайне сложно объяснить смысл существования нервной системы одними лишь физическими потребностями организма: принятием пищи, выделением или размножением. Разумеется, в нас вложено гораздо больше сил и энергии и нам дано гораздо больше инструментов, которые служат не только для выполнения физических функций. Даже напротив, иногда наши действия становятся разрушительными для тела. Кто из нас в своих мыслях, в воображении, фантазиях не представлял себя больным или не ощущал тревоги? Если бы сейчас мы обсуждали что-то очень холодное или, наоборот, очень горячее, у одних вспотели бы руки, другие были бы взволнованы, не смогли бы сидеть спокойно и непроизвольно сжимали бы и разжимали руки, чтобы согреться. Конечно же, существует психическая жизнь, жизнь невидимая, внутренняя, которая отражается на окружающем мире. Мы считаем, что то, что находится в нашем внутреннем мире, предшествует физическому проявлению и продолжает существовать после него, и более того, оно важнее, чем само физическое.

Я говорю не о том, что тело как таковое не имеет значения. Нет, речь не об этом. И тело, и его идеалы важны, но они подчинены душе, подчинены интересам и идеалам души.

Идеалы тела – это *количество*, а идеалы души – *качество*. Те, у кого преобладают идеалы тела, хотят иметь много вещей; те же, у кого сильнее идеалы души, напротив, подбирают вещи для того, чтобы удовлетворить свои внутренние потребности. Многим людям приятнее любоваться прекрасной картиной, чем есть бутерброд; многие готовы пожертвовать обедом с другом, чтобы посетить новую экспозицию в музее Прадо. Почти все люди, каждый на своем уровне, в той или иной мере жертвуют чем-то материальным в пользу духовного. Не всем должно нравиться одно и то же, и думать иначе (я настаиваю на этом) – ошибка современной материалистической цивилизации. Она разделила людей на «племена». Например, любители живописи идут в музей Прадо смотреть новую экспозицию художников эпохи Возрождения. Если они увидят картины художника, который им не нравится, то скажут: «Какое бескультурье»

рье! Как подобное могло появиться в музее Прадо?» А есть люди, которые даже не имеют представления ни о чем подобном, но, возможно, знают, какой концерт проходил недавно или какая вышла книга, или знают, когда зайдет солнце, куда течет река, или разбираются в боевых искусствах, или коллекционируют марки, или увлекаются поэзией, или заботятся о своей семье, о своих детях... И это тоже идеалы, и никаким из них нельзя пренебрегать, ведь в противном случае мы будем разобщены, разъединены и создадим мир раздора и насилия.

Нужно понимать, что наш мир пребывает в кризисе. Отдавая слишком большое предпочтение материальным ценностям, мы превращаемся в подобие стаи волков, которые набрасываются друг на друга, пытаясь отобрать добычу.

Нам следует осознать, что при таком отношении к качествам души мы не только теряем культуру, но сама жизнь уходит от нас. Причем не только наша собственная жизнь, но и жизнь тех, кого мы любим, жизнь наших сыновей, родителей, друзей, жизнь будущих поколений, детей, которых когда-нибудь будут качать в пока еще пустых колыбелях. Мы теряем будущее самого человечества.

Человек вырос, поднялся; человек возвел искусственные горы; человек осушил реки и вновь наполнил их; человек построил водохранилища, пересек океаны, высадился на Луне, связал воедино континенты – потому что обладал духовной силой, жадой приключений. Именно она заставила человека вопреки комфорту, удобству покинуть насиженное место и направила его к Тайне, к Будущему, к чему-то лучшему, к чему-то неведомому.

И если мы потеряем эту вертикальную, устремленную ввысь силу души, если мы потеряем возможность выражать через идеалы тела идеалы нашей души, мы потеряем самих себя. Нам следует усилить и укрепить эту внутреннюю часть нас самих. Не нужно становиться неким высшим существом или особо важной персоной, нужно быть человеком глубоко чувствующим и понимающим, что такое жизнь и как ему жить. Каждый мужчина и каждая женщина могут открыть свои скрытые способности. Зачастую мы не используем все возможности нашей памяти. Часто мы не знаем, откуда приходят внезапные интуитивные озарения – например, когда мы подумали о ком-то и сразу же встретили его на улице. Мы не охвачены стремлением всерьез узнать тайны собственной жизни и окружающего нас мира – узнать, откуда мы пришли, кто мы, куда идем. Жили ли мы на этой Земле раньше, и вернемся ли мы сюда снова? Уходим ли мы, когда умираем, в более тонкий мир, или мы вообще никуда не уходим?

Эти вопросы очень важны, они волнуют нас больше всего. Мы должны исследовать и читать, изучать и сопоставлять различные формы религии и мистики, чтобы понять, что ощущали люди, оставившие после себя монументальные труды, чтобы понять, что вдохновляло людей проводить жизнь в смирении, святости и доброте, чтобы понять тех, кто учит нас подставлять правую щеку, если нас ударили по левой. Все эти действия намного превосходят и человеческие, и животные инстинкты.

Поднявшись над различиями наших характеров, различиями между поколениями, различиями в пространстве и во времени, надо попытаться сплотить тех, кто чувствует и понимает все это. Нам надо попытаться объединить наши сердца в совместном поиске и взаимопонимании.

Разве можно, дорогие друзья, чтобы преступники и воры превосходили нас в организованности и способности жить в согласии? Ведь они объединяются между собой и, как правило, не выдают своих в случае опасности. Они способны хранить верность. Неужели всю верность, всю преданность сегодня присвоили себе воры? Неужели в способности объединяться мы уступим тем, кто торгует людьми или продает наркотики?

Идеалисты, философы, художники, ученые – все, кто хочет нового и лучшего мира, все мы должны обладать еще большей способностью объединяться и создавать прочные узы. Наша акропольская философия предлагает не только этот поиск, не только решение личных вопросов, но и формирование нового типа людей, нового образа мыслей, который позволил

бы создать новую Науку, новое Искусство, новую Политику, привести к новому Сосуществованию.

Новое сосуществование, новая политика, новый образ мышления, чувство мистического – мы ни в коем случае не можем утратить всего этого, как бы оно ни называлось и в какой бы форме ни проявлялось, главное чтобы оно было наполнено глубоким содержанием. И тогда однажды зимним вечером, встав на колени в снегу, мы вдруг сможем почувствовать Бога. Нам важно обладать упорством и стойкостью, присущей материальным вещам. Если взять камень и подбросить его вверх, он неизбежно вернется к своей матери-земле, от которой улетел. Так почему же наша душа утратила способность возвращаться к своему отцу Богу с такой же естественностью?

Чтобы быть мистиком, идеалистом, не нужно никаких особых условий, нужно просто быть естественным, нужно встретиться с самим собой и научиться выражать то, что живет в нас. И поэтому «Новый Акрополь», который мы вам предлагаем, – это новый Верхний Город. Это не религиозная секта, не политическая организация. Это человеческий и чисто человеческий подход к жизни для новых людей, которые хотят по-настоящему жить в этом мире, жить настоящей внутренней жизнью, преодолеть границы смерти, познать суть вещей; для тех, кто способен любоваться цветами, течением реки, полетом бабочки; кто умеет ценить своих друзей и видеть в маленьких детях надежду для будущего; кто не будет плакать навзрыд по покинувшему эту жизнь, но будет способен понять неизбежный, неумолимый Закон, который ведет нас сквозь Время. В конце концов, для тех людей, которые способны испытывать священный трепет перед величием гор или петь от радости на восходе солнца... Для мужчин и женщин, которые могут идти соединив руки, не опасаясь нападков и не зная усталости. Для всех, кто стремится только Вверх и Вперед!

Мадрид, 1976 г.

Х. А. Ливрага. Материализм и идеализм

Лекция

Делия Стейнберг Гусман (Д.С.Г.): Наш первый вопрос очень прост и подсказан названием темы, которую Вы выбрали для беседы. Материализм и идеализм. Считаете ли Вы, что это противоположные понятия?

Хорхе Анхель Ливрага (Х.А.Л.): Сначала нам надо хотя бы кратко определить, что такое идея и что такое материя.

Дать определение материи непросто. Еще древнегреческие философы отмечали, насколько трудно сказать, что же на самом деле является материей. Мы, например, называем материей эту стену. Но ведь воспринимаем мы не стену – мы воспринимаем ее отражение внутри нас. Поэтому древние говорили о субъективном восприятии (*natura naturans*) и указывали на наложение субъективного на объективное посредством ряда свойств, которые трансформируют это объективное (*natura naturata*). И также с самой глубокой древности и до сих пор нам трудно точно определить, что такое дух и что такое идеализм. Потому что понятие *идея* произошло от греческого *noûs*, а оно еще труднее для восприятия; в определенном смысле *noûs* ассоциируется с «я сам». Поэтому некоторые философские течения пришли к отрицанию всего, что не есть «я сам»; иначе говоря, все, что не соприкасается с нашим Я, все, что ему не принадлежит, они считают не-бытием. Такой подход встречается у западных нигилистов, а также в восточной философии, когда речь идет о Майе, Иллюзии.

Впрочем, поиск определения материи и идеи мы встречаем не только у греков, но и в Индии – в школах *пракрити* и *пуруши*. Школы *пракрити* берут за основу материю, а школы *пуруши* — «универсальный дух», или пурушу.

Кант, пожалуй, больше всех преуспел в попытке определить взаимоотношения материи и духа; он провел различие между ними, сопоставив первый с субстанцией, а второй – с феноменом, взяв за основу связь с Богом; с его точки зрения, сама по себе субстанция не порождает феномен, но феномен является результатом взаимодействия с субстанцией, то есть взаимодействия между внешним и Я.

Д.С.Г.: Вы рассказали нам, что понимается под материей и идеей. Но нам бы хотелось узнать, изменились ли эти понятия со временем. Уточню свой вопрос: понимали ли древние под материализмом то же, что и мы? А когда они говорили об идеализме, они подразумевали то же самое, что и мы?

Х.А.Л.: Разумеется, нет. Например, Демокрита можно считать материалистом древности. Он исходил из атомистической теории, то есть говорил об *a-tomos* — о том, что неделимо. Тем не менее, эти атомы Демокрита (это сущее, существующее, но сказать, что это существо, нельзя) не исключали представления о религиозности, о том, что есть Нечто выходящее за пределы материи.

То же самое с идеалистами. Например, когда Платон говорил о *noûs* и утверждал приоритет идеи над материей, архетипов – над проявленной формой, он не отвергал при этом необходимости существования множественности вещей. Древние могли быть материалистами, могли быть идеалистами, но они допускали, что есть люди, которые думают не так, как они.

С течением времени, уже после Декарта, после механики Гегеля, появляется марксистский (или диалектический) материализм и возникает абсолютное противостояние того, что мы сейчас понимаем под материализмом и идеализмом. Уже нет точек соприкосновения, нет

возможности сосуществования. Доведенный до предела дуализм стал дуализмом абсолютным. Люди относят себя либо к материалистам, либо к идеалистам.

Откровенно говоря, я полагаю, что со времен Древней Греции эти понятия существенно изменились. Обывательские взгляды и рассуждения – те, что в ходу на улицах, полностью отличаются от представлений, которые могли иметь философы древности. Сегодня мы скатились до псевдоабсолютного материализма и идеализма.

Д.С.Г.: Вы говорите, что мы живем в мире псевдоабсолютов. С какими трудностями сталкивается человек, который существует в атмосфере всеобщего материализма, или, говоря по-другому, считает материализм единственным способом восприятия жизни?

Х.А.Л.: Такое восприятие мира создает множество трудностей. Материя действует по законам механики и обладает определенными свойствами (размер, объем, вес и так далее), которые также подчиняются законам механики. И главная проблема состоит в том, что эти законы переносятся на всю картину мира, все воспринимается механистически. В результате механистическое видение мира перерастает и в механистическую, эгоистичную мораль – в индивидуальный эгоизм, эгоизм группы людей или эгоизм на массовом уровне. Эгоист-индивидуалист – это мещанин, буржуа, для которого важен только он сам; но также это и марксист, которого интересует лишь один социальный класс, определенная каста людей, а существование остальных людей для него не имеет никакого значения. И то и другое – разные формы эгоизма. Почему? Потому что в их основе лежит механистический подход к жизни, который рождается из свойств материи.

Д.С.Г.: Давайте рассмотрим другой псевдоабсолют. Допустим, мы встречаемся с людьми, которые считают идеализм единственным возможным подходом к жизни. В чем сложности видения жизни исключительно с идеалистической точки зрения?

Х.А.Л.: Основная трудность, которая возникает, когда мир воспринимается лишь идеалистически, – это субъективизм. Это еще одна форма эгоизма.

Предположим, человек говорит, что он хочет медитировать, читать, рисовать или созерцать лишь то, что ему нравится. Такому человеку не важен остальной мир, а важен только он сам, или то, что «внутри» него, или его слияние с Богом... И так от утверждения «Бог есть во всем» он приходит к позиции «Бог способствует всему», а затем и к квиетизму, к своего рода псевдофилософской глупости – примером ее могут быть те индуисты, которые говорят: «Ну что ж, если этот пария (парии – одна из неприкасаемых каст в Южной Индии. – *Прим. ред.*) умирает с голоду, значит, так хочет его карма».

Слишком превозносить псевдодуховное, ставить его выше всего человеческого, выше всего естественного – это лишь очередная форма эгоизма и обмана. В этом случае «духовный» человек живет в своем духовном мире, в своей собственной нирване мира и покоя, где ничто его не заботит, ничто не побуждает к действию... Но так ли это? На самом деле его заботит это самое «ничто», его собственная нирвана.

Если я знаю, что миллиард человек умирает сегодня с голоду; знаю, что еще миллиард недоедает, живет в бедности, не может найти постоянную работу, – в чем величие того, что я сажусь на пол, скрещиваю ноги в *падмасане* и произношу: «*Аум*, я есть всё, ничто меня не трогает, ничто не возмущает»? Конечно, можно сказать, что боль бедных или голодных – иллюзия, майя, но хотел бы я посмотреть, как кто-либо из таких созерцателей, получив хороший удар по ноге, начал бы медитировать, что всё – иллюзия? Как правило, иллюзией считают то, что касается других. Про войну, разрушения или землетрясение говорят: «На то Воля Божья», «Значит, Бог пожелал, чтобы умерло десять или двадцать тысяч человек». Но когда что-то

касается нас, когда у нас на улице украдут даже несколько монет, мы приходим домой в слезах, и это нас уже очень и очень заботит.

Мне кажется, что многое в этой ультрадуховности является ложным и таким же негативным, как и в материализме.

Д.С.Г.: Много раз в своих беседах, письмах и статьях Вы ясно даете понять, что Ваша позиция нематериалистическая, что Вы считаете себя философом не-материалистом. Довольно часто звучит вопрос: почему «Новый Акрополь» противостоит материализму?

Х.А.Л.: Это очень легкий вопрос. Представим, что в одну дверь входит лев, а в другую – собака. Я вынужден буду противостоять большей опасности, повернуться лицом к тому, кто представляет реальную опасность. Собака, может быть, меня и не укусит – вдруг она просто хочет меня обнюхать или познакомиться со мной? Но если на меня прыгнет лев, он точно меня съест.

Так и «Новый Акрополь» – он противостоит материализму не потому, что мы являемся школой для идеалистов-утопистов, экзальтированных людей, и не потому, что мы не осознаем необходимость существования материального мира. Просто мы повернулись лицом к большему из зол. Потому что среди этих двух зол есть одно, ближайшее и реальное, которое уже поглотило половину мира, которое превратило больше половины человечества в атеистов, – это материализм, особенно диалектический. Мы не воюем с диалектическим материализмом, мы противостояем ему; но противостояем не материализму как таковому, а тому, к чему он ведет, тому, что он пробуждает в людях. Мы также против обывательского материализма; сам по себе он особого значения не имеет, но он порождает в людях эгоизм, совершенно антифилософский.

И потому мы не противостояем ультрадуховности. Не представляют никакой опасности для мира две, три, четыре или сколько угодно тысяч человек, которые сидят в падмасане перед ароматической палочкой и утверждают: «Мы все устроим, создав ментальную форму». Совершенно очевидно, что это не повлияет на ход истории. Но то, что во власти материализма (капиталистического или коммунистического) находятся огромные силы, в том числе ядерные боеголовки, – влияет очень сильно. Это реальность, это происходит здесь и сейчас и касается каждого из нас.

Вот почему «Акрополь» противостоит прежде всего ультраматериализму, а не ультрадуховности, которая не представляет реальной опасности.

Д. С.Г.: Можем ли мы из Ваших слов сделать вывод, что «Новый Акрополь» – школа исключительно идеалистическая? Иначе говоря, она предлагает жить только в мире идей?

Х.А.Л.: «Акрополь» – идеалистическая школа, но не в том смысле, о котором мы только что говорили. Она идеалистична не в том значении, как у тех ультраидеалистов, которые стремятся к противопоставлению духа-идеи и материи.

Мы считаем, что существует нечто Единое, в котором соединяются и материальное, и психологическое, и ментальное, и духовное и так далее. Мы верим в универсальную концепцию жизни, о которой говорил Платон. Мы считаем, что жизнь можно воспринимать с разных точек зрения. Художник вполне может интересоваться политикой, а политику вовсе не обязательно быть чуждым науке. Мы считаем, что человек интересуется всем, что один и тот же человек может ухаживать за аквариумными рыбками, руководить крупным предприятием и играть на скрипке. Ничто не препятствует тому, чтобы человек был развит разносторонне. Мы не смотрим на человека как на какую-то деталь механизма, как на всего лишь очередной

винтик; мы воспринимаем человека во всем его величии, во всем его могуществе и верим в его возможность многое осуществить за свою жизнь – человек многогранен.

Итак, если требуется, чтобы мы дали себе определение, я, конечно, не могу сказать просто: «Мы акропольцы» (сразу последует вопрос: «А что это значит?»), и поэтому мы говорим, что мы идеалисты. Но я бы еще пояснил, что наш идеализм не является чем-то абстрактным, непрактичным, далеким от мира или малодушным; мы имеем в виду идеализм в более широком смысле – когда духовное имеет приоритет перед материальным. Но это не означает, что материальное не признается вообще.

Есть и духовное, и материальное, и все существует внутри великого таинства, которое можно назвать Богом. Мы считаем, что человек нуждается не только в торговле, сексе, еде, сне и т. п. Человеку нужен дом, нужна возможность встретиться с самим собой, нужны друзья, те, кому можно доверять, нужно немного любви, немного славы и немного достоинства.

Такова в общих чертах концепция духовности, которая существует в «Новом Акрополе»: *Acro-polis*, верхний город, – это поиск самых высоких ценностей, которые только могут быть у человека.

Д.С.Г.: Следующий вопрос касается молодежи. С молодыми людьми связано будущее, и все хотят так или иначе охарактеризовать их, высказаться о том, хорошие они или плохие. Кроме того, одни утверждают, что любой молодой человек – материалист по своей природе, а другие – что он априори идеалист. Что Вы думаете о молодежи? Какой Вы ее видите?

Х.А.Л.: Я считаю, что молодость или старость не определяются количеством лет или сединой. Есть люди, которым по двадцать лет, а они уже лишены надежды в сердце, разочарованы, они потеряли вкус к жизни и стали настоящими стариками. А есть люди совсем белые от седин, но способные радоваться, улыбаться; полные надежд, они берутся за новые дела и не перестают мечтать о будущем. Несмотря на седую голову, они по-настоящему молоды.

По-моему, молодой человек не обязательно должен быть материалистом, равно как и человек в возрасте не всегда будет идеалистом, – все зависит от натуры самого человека и от воспитания, которое он получил. Я думаю, что нет абсолютных материалистов или идеалистов, в каждом из нас, как говорил еще Платон, есть и то, и другое; причем что-то одно преобладает в нас независимо от возраста.

Д.С.Г.: Когда обсуждают значимость материализма или идеализма, как правило, акцент делают на одну из этих концепций. Например, некоторые думают, что человек оценивается по тем материальным следам, которые он оставляет, по их количеству, по их значению. Другие полагают, что все зависит от идей, с которыми человек шел по жизни, и даже могут сказать, что именно идеи движут миром.

Как оценивать человека – по его материальным следам или по тем идеям, которых он придерживался в течение своей жизни?

Х.А.Л.: Сложно сказать. Вот, например, перед нами на стене висит картина. Эта картина для нас материальна: ее можно потрогать, взвесить или купить. Но все же – разве кто-то не воплотил, не выразил что-то в этой материи? Разве не заключено в образе Магдалины нечто выходящее за пределы чисто материального? Разве нет здесь соединения, взаимосвязи материального и духовного? Как можно оценить, чем человек более ценен – материальным своим наследием или духовным? Все зависит от наследия. Что именно он оставил после себя? Дороги и мосты, которые могут быть полезны многим людям? Это великое дело, хотя оно и материальное. И допустим, его единственное духовное наследие – собранные в книге сумбурные мысли и идеи, вроде таких: «Стены зеленые, а я здесь; ветер дует, а звезды квадратные, я

сажусь, и я ухожу, боль пронзила мне левую руку...» Этот набор мыслей кому-то даже может показаться поэтичным, и, прочитав его, некоторые воскликнут: «Потрясающе!» – но лично я, честно говоря, не вижу в этом ничего по-настоящему полезного.

Я считаю, что, чем делить все на духовное и материальное, нам лучше оценивать вещи с точки зрения того, насколько они полезны или бесполезны, реальны или нереальны, разумны или абсурдны.

Д. С.Г.: Похоже, следующий вопрос выходит за рамки нашей темы. Из всего, что Вы только что говорили, следует, что в жизни необходима определенная доля материализма, то есть объективного и материального видения жизни, но также необходима и определенная доля идеализма, то есть более субъективное восприятие. Скажите, пожалуйста, каково, по Вашему мнению, оптимальное соотношение обеих составляющих?

Х.А.Л.: Разумеется, нельзя сказать: «сорок» или «шестьдесят процентов»; когда дело касается внутреннего мира человека, такие мерки не подходят. Я думаю, что в нас должна быть и частичка духа, и частичка материи, в жизни есть время как для духовного, так и для материального.

Вам показалось бы нормальным, если бы на встрече, посвященной литературе, живописи или философии, я бы вдруг кого-нибудь ударил? Невозможно, такого быть не может. А теперь представьте, что я иду по улице, подходят трое мужчин, преграждают мне дорогу и пытаются прижать к стене. Вы сочли бы разумным, если бы я сказал им: «Минуточку, господа! Скажите, что вы думаете об Эль Греко?»? Конечно нет. Итак, в некоторых обстоятельствах необходимо прибегать к материальной составляющей, а в каких-то случаях необходима духовная, потому что духовное и материальное не противостоят, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, словно две руки.

Д.С.Г.: Как идеалисты, так и материалисты указывают на ряд проблем, которые существуют в современном мире.

Идеалисты говорят, что наш мир заражен эгоизмом, ему не хватает ориентиров, не хватает нравственности. Материалисты считают, что в нашем мире слишком много неравенства, что сегодня человеку невозможно жить и работать достойно.

Все эти проблемы реальны. Исходя из представленной Вами формулы взаимодополняемости духа и материи, что предлагает «Новый Акрополь» для решения проблем, о которых говорят и материалисты, и идеалисты?

Х.А.Л.: Я иногда говорю, что «Новый Акрополь» – это революция, и она намного более глубинная, чем кажется, это не просто совокупность теософских или литературных идей.

«Акрополь» – это *ре-эволюция*, возвращение к истокам, к главному. Это не просто группа молодых людей и преподавателей, которые ищут знаний; это также и центр, где можно приобрести новый для нашего мира опыт. Это не только нечто субъективное, это опыт, абсолютно новый опыт.

И мне жаль, что иногда в газетах и журналах те, кто нас не знает, навешивают на нас ярлыки, называя коммунистами, нацистами, фашистами и т. п. В их распоряжении есть уже готовые ярлыки, а других у них явно нет, и вот они используют то, что имеют. Но мы представляем собой нечто совершенно новое. Нечто древнее, как семья, и новое, как цветок.

Если говорить о решении проблем современного мира, то, на наш взгляд, их нужно решать не по частям, а целиком. Необходимо полностью изменить видение мира, необходимо совершенно другое мировоззрение.

В первую очередь, нужно познать человека. Что такое человек? Из чего он состоит? Создан ли он только из духа и материи, или в его состав входят и другие элементы? Обладает ли человек только теми способностями, которые мы ему обычно приписываем, или у него есть и другие силы, которые сегодня описываются только в научной фантастике, но могут стать реальностью для тех, кто отважится повернуться к ним лицом? Разве сама Вселенная лишь огромная конструкция, состоящая из свечей, которые в любой момент могут погаснуть? Существует ли за всем этим что-то большее, нечто, что можно назвать Богом или как-то иначе, но нечто все собой заполняющее?

Нам также необходимо пересмотреть наши представления о времени. Что такое время? Что заставляет желтеть наши старые письма? Из-за чего загибаются уголки собранных нами почтовых марок? Что тонкими штрихами чертит морщинки у нас на лице или серебрит наши волосы, что заставляет нас вырастать из детей и становиться мужчинами или женщинами, заставляет нас проливать слезы или улыбаться? Почему в один день мы счастливы, а в другой – столь печальны? Перед нами встает множество вопросов.

Необходимо также изменить социальное устройство мира. Не существует черных, желтых или белых людей, есть просто люди. Видеть нужно то, что они несут в себе. Мы же судим о человеке лишь по его внешности. У человека может быть черное, белое или желтое лицо, но мы должны видеть то, что скрывается за этим лицом.

Надо увидеть, что находится за всеми религиозными формами, но увидеть беспристрастным взглядом. Пусть каждый выбирает ту религию, которая ему нравится, пусть каждый молится так, как хочет молиться, но пусть он уважает других и понимает, что другие люди также могут испытывать глубокое чувство божественного, преклоняют ли они колени перед образом Богородицы или глядят в сторону Мекки. Понимание того, что могут существовать различные формы веры, различные представления о духовной реальности, – это также одно из глубоких изменений, которые предлагает «Новый Акрополь».

«Акрополь» предлагает также не преувеличивать значение собственности. Надо использовать собственность, но не злоупотреблять ею. Собственность дана для того, чтобы владеть ею и наслаждаться, но не расточать, не проматывать и не разрушать ее. Потому что собственность в каком-то смысле как вода, она принадлежит всем. Логично открыть кран для того, чтобы напиться или искупаться. Но, уезжая в отпуск, мы не оставляем кран открытым, это неразумно и непрактично с точки зрения общества.

«Акрополь» не верит в политические партии; «Акрополь» не верит, что, соединив большое количество черных вещей, можно получить одну белую. «Акрополь» считает, что управление государством должно строиться таким же образом, как и в любой науке: если врачей возглавляет самый лучший врач, если в авиакомпании лучшее место получает пилот, который показал наилучшие результаты при обучении, – то почему бы тому, кто продемонстрировал лучшие знания при обучении политическим наукам, не руководить всеми остальными?

Должна существовать взаимосвязь между свободой и правом на жизнь: человек должен быть внутренне свободным и понимать, что эта свобода должна сдерживаться свободой других людей. «Акрополь» считает, что должна существовать определенная избирательность по отношению к книгам, фильмам и т. д. О преступниках, о мафии, об Аль Капоне созданы сотни фильмов... А много ли фильмов рассказывает о Сократе, о святом Августине, святой Терезе Авильской? Ни одного. Почему люди почти не интересуются этим? Люди сегодня совсем потеряли ориентиры и уже не способны выбирать. Что первым выходит на экраны, появляется на страницах газет, на экранах телевизоров? Разве на первой полосе газет можно увидеть репортаж о научном открытии, о стихотворении, получившем литературную премию, о картине, которая победила на конкурсе? Нет, дамы и господа, центральное место займет либо труп, либо преступник, либо человек в луже крови, либо орудие преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.